

«Часто приходится слышать: это хорошо, но это вчерашний день. А я говорю: вчерашний день еще не родился. Его еще не было по-настоящему. Я хочу снова Овидия, Пушкина, Катюла, и меня не удовлетворяет исторический Овидий, Пушкин, Катулл», – писал Осип Мандельштам в эссе «Слово и культура». Традиция, если, конечно, мы говорим о действующей традиции, а не о ролевой игре на тему условных почвенничества или авангарда, – такая традиция всегда парадоксальна, даже несколько неудобна, как и всё настоящее в искусстве. «Классическая поэзия – поэзия революции», – завершает свое эссе Мандельштам.

Собранные здесь подборки, на мой взгляд, как раз выражают эту живую, развивающуюся традицию русской лирики – вернее, множественные ее традиции. Это и современные, порой далеко уходящие от своих классических образцов «романсы» представителей новой «воронежской школы» Василия Нацентова и Павла Сидельникова; и шероховатая, раздумчиво-экзистенциальная поэзия Марка Степанова, опирающаяся, с одной стороны, на программу «парижской ноты», с ее знаменитым «трансцендентальным ветерком» (Г. Адамович), а с другой – на опыт так называемой неподцензурной поэзии 1970–80-х гг. Влияние позднесоветской школы «метафизического реализма» (А. Парщиков, А. Тавров, И. Жданов и др.) различимо и в творчестве Ростислава Рукавова. Русский верлибр представлен стихами Марии Затонской, соединяющими сдержанные интонации В. Бурича с тонким исповедальным лиризмом, и миниатюрами Алены Максаковой, работающей вполне в «концептуалистском» ключе. «Уличная» эстетика, тесно связанная с музыкальными субкультурами и установкой на звучащее слово, становится стержнем творчества Георгия Кольцова и – совсем уж далеким эхом, помноженным на эстетику «новой искренности» – звучит в стихах Дмитрия Вазовикова. Денис Шполянский, представитель «эпического» направления, органичным образом совмещает экспрессивную поэтику шестидесятников и глубину раскрытия исторических тем, присущую поэтам уже совсем другого толка – В. Кривулину и С. Стратановскому. Традиция дневникового, «прямого» высказывания совершенно по-разному преломляется в стихах Полины Леоновой, парадоксально соединяющей практики декларативного фем-письма с суггестивным, непроговоренным, и Юлии Крыловой, по-исследовательски конкретно обнажающей болевые бреши, опасную правду во внешне ровном, полном «безопасными» деталями лирическом полотне. В художественной реальности стихотворений Елены Панкратовой мифопоэтическая традиция в русле ленинградского неофициального движения претерпевает метаморфозы, трансформируясь в миф авторский, лаконичный и сдержанный.

Все перечисленные – это так называемые молодые авторы, хотя под это определение подпадают как вчерашние дебютанты, так и вполне состоявшиеся поэты. Педализация писательской молодости здесь – не дань конъюнктуре и тем более не просьба читательского «аванса» (эти стихи в нем не нуждаются), а лишь указание на то, что современная русская поэзия сложна и многообразна – как, впрочем, и в любой период своего развития.